

О НАШЕЙ ПРОФЕССИИ

Беседа с артистом Рязанского драматического театра М. А. Рубановым

ТРУДНАЯ у нас профессия! — признался мне Михаил Акимович. — Беспокойная и нервная. А вот предложи нашему брату другое дело, самое спокойное и выгодное, и ни один не расстанется со своим бес покойством.

— Не ради красного словца говорю я о трудностях, — продолжал Михаил Акимович. — В самом деле, ведь что ни роль, то надо влезать в чужую натуру, выработать иной характер, приобретать иные привычки. Только тогда и бывает роль интересной и правдивой, когда ты не играешь, а живешь на сцене в образе воплощенного персонажа.

Хорошо, когда попадается роль, по которой надо создать образ человека передового, мужественного, сильного духом, с яркими индивидуальными чертами. Тогда и сам как бы приподнимаешься над собой, обретаешь новые качества, радуешься бурной симпатии зрителей. Но бывает и другое.

Играл я года четыре назад Митрича в спектакле «Власть тьмы» А. Н. Толстого. С мельчайшими подробностями представила себе этого человека. Вырос он в крепостной деревне. Женится. Были у него какие-то крохотные блестящие радости, надежды. Но человек от беды — бегом, а беда за ним — ястребом. Забирают парня в солдаты на царскую службу. А служба та подобна каторге — двадцать пять лет! Пока солдат служил, хозяйство в деревне разорилось. Жена ушла в

город на заработки. И там опустилась на самое дно. И когда вернулся солдат домой, ни о какой семейной жизни и речи не могло быть. Стал Митрич батрачить. Где дадут ку-

М. А. РУБАНОВ

сок хлеба и угол на печи, там и ходит, как вол в упряжке.

И потому не мог мой Митрич быть повествователем. Он должен стать страстным обличителем самодержавия. Таким мне хотелось показать его зрителю. Простыми и меткими словами доказывает он Акиму, как банки обдирают народ. И уже как бы не Митрич, а я сам терзаюсь над загубленной жизнью солдатки, над невзгодами крестьян.

Пожил жизнью Митрича и за другую роль надо братья. Шванди, например. Сам-то я моряком не был. Но был у меня двоюродный брат Василий. Он всю войну на торпедном катере советские берега охранял. У него я многое для Шванди позаимствовал. Да и других моряков во время войны в армии повода. Хотелось, чтобы зритель увидел во всей духовной красоте этого человека ясного ума, большого мужества и преданности делу революции, смекалистого, с точным снайперским юмором, натуру цельную и глыбистую. Какая роль!

Любил я и роль Филиппа Блохина из спектакля «Порт-Артур», поставленного известным режиссером А. Ф. Дашковским. Шел этот спектакль в Рязани с большим успехом. Играть было интересно. По сцене ходили живые люди — каждый со своим характером, со своим языком. У Филиппа душа исполина, широко открытая до всего доброго и честного. Смелчак и балагур,

он был предельно предан воинскому долгу. Зоркий, проницательный, он сразу разгадывал друзей и врагов каким-то особым чутьем.

Тоскует душа по таким ролям. Как бы окрылились артисты, если бы и сейчас драматурги порадовали нас такими образами наших современников!

Но сцена — не только место прославления подвигов. Частенько она превращается то в суд, то в место казни. Да, приходится еще вытаскивать на сцену и разные человеческие пороки, всяких проходимцев, очковтирателей, хапуг и всенародно «казнить» их.

Недавно, например, я сыграл роль Кормилицына, директора вагона-ресторана в пьесе Н. Погодина «Черные птицы». Его не устраивала одна зарплата. И он, катаясь от Москвы до Ташкента, усердно обогащается при помощи разных темных делишек.

Те, кто побывал на нашем спектакле «Черные птицы», могут судить, удалось ли мне до конца вывернуть, разоблачить гнилое нутро этого барышника, присосавшегося к партии.

За прожитые в театре годы (а таких перевалило уже за три десятка) много было сыграно ролей. Иные уже забыты, а другие так полюбились и вошли в душу и память, хоть завтра же без репетиции выходи на сцену и играй.

Как хочется иной раз встретиться и с испанским священником Лопесом, и с председателем горсовета Медведевым из спектакля «Хозяева жизни», с Моисеем Башкиным из окружения Егора Булычева, с Чебутыкиным из «Трех сестер» и многими другими героями разных времен.

Но, пожалуй, одним из самых светлых дней моей театральной юности был день, когда я впервые сыграл неизвестного всем Аркашку из «Леса» Островского. Навсегда останется в моем сердце память об этом замечательном герое Островского, о чувстве большой человеческой радости и творческого удовлетворения, которые я испытывал при первом громе аплодисментов зрителя.

Хочется, чтобы и под новыми сводами нашего театра все мощнее звучали аплодисменты благодарного зрителя, покидающего наши спектакли с чувством большой признательности за получаемое удовольствие!

Беседу записал писатель В. Матушкин. г. Рязань.